
Ж.В. Пузанова, И.В. Троцук
(Москва)

НАРРАТИВНЫЙ АНАЛИЗ: ПОНЯТИЕ ИЛИ МЕТАФОРА?

В статье изложены основы нарративного анализа как теоретического подхода и как совокупности принципов познания социальных практик. Проблематизируется «статус» нарратива в социологии и осуществляется попытка ответить на вопрос, насколько правомерно и обоснованно с методологической точки зрения введение в качественную методологию данного понятия на теоретическом и эмпирическом уровне социологического анализа.

Ключевые понятия: нарратив, нарративный анализ, биография, биографический метод, структурный анализ, интерпретация, контент-анализ, информативно-целевой анализ, «обоснованная теория».

Традиционное название нарративного анализа, «*сюжетный*» анализ, говорит о том, что он основан на принципах структурного рассмотрения текста, выдвинутых в начале XX в. В. Проппом и Б. Томашевским [1, р. 523]. Изучение интерпретационных, а не информационных возможностей текста происходит в сюжетном анализе через противопоставление фабулы и сюжета: фабула играет роль материала, «лежащего в основе произведения», а сюжет выполняет функцию специфической аранжировки, «реального развертывания» материала. Подобное противопоставление диспозиции материала и его сюжетной композиции позволяет в ко-

Жанна Васильевна Пузанова – кандидат философских наук, доцент кафедры социологии Российского университета дружбы народов.

Ирина Владимировна Троцук – ассистент кафедры социологии Российского университета дружбы народов.

нечном итоге обнаружить «целесообразность, осмысленность и направленность той, казалось бы, бессмысленной и путаной кривой» [2, с. 190], из которой, собственно, и состоит сюжет.

Известный своими нарратологическими изысканиями лингвист, В. Лабов, утверждает, что нарративный анализ возник как «побочный продукт» его социолингвистического исследования афро-американского диалекта в Южном Гарлеме [3]. В рамках этого исследования он определяет нарратив как совокупность специфических лингвистических средств, превращающих «сырой» прошлый опыт в хронологически упорядоченные и эмоционально и социально оформленные события: нарратив – это «способ репрезентации прошлого опыта при помощи последовательности упорядоченных предложений, отражающей временную последовательность событий» [4]. Необходимыми лингвистическими признаками нарратива являются [3; 4; 5]: 1) наличие придаточных предложений, соответствующих временной организации событий; 2) отнесенность повествования к прошедшему времени; 3) наличие определенных структурных компонентов – ориентировки (описания места, времени действия, персонажей), осложнения или конфликта, оценки (выражения авторского отношения к происходящему), разрешения осложнения и коды (завершения повествования и его отнесения к «здесь-и-теперь»). Лабов формулирует следующие основные понятия нарративного анализа [3]: «*информационная значимость*» (повествование должно заинтересовать аудиторию, чтобы оправдать свое возникновение); «*кредит доверия*» (степень уверенности аудитории в том, что события произошли именно так, как их описывает рассказчик) – чем выше информационная значимость, тем меньше кредит доверия (чем более знакомыми оказываются события для аудитории, тем меньше она доверяет рассказчику); «*каузальность*» (выбор причин и следствий в потоке событий); «*одобрение или неодобрение*» аудиторией видения мира рассказчиком; «*объективность*» (как выражение эмоций или как наблюдение материальных объектов и событий).

Социологическая трактовка нарратива основана не только на указанных выше лингвистических характеристиках повествования, но учитывает и отдельные нарратологические моменты психоаналитического сеанса и исторического исследования. Так, в *психоаналитической терапии* нарратив рассматривается как средство организации личного опыта, отражающее эмоциональное состояние рассказчика, стимулирующее ответную реакцию слушателя [6, с. 17] и позволяющее решать проблему достоверности рассказа, когда необходимо отделить субъективную версию событий от «объективной правды», если таковая вообще существует [4]. Анализ нарративов основан на идеях интертекстуальности (все, что автор узнал до создания своего текста, невольно и неосознанно прорывается в его «творении»), множественной интерпретации и неотделимости текста от контекста, диктующего его оценку, и проводится при помощи контент-анализа. «В *истории* нарратив рассматривается как такая форма существования исторического знания, которая снимает дихотомию объяснения и понимания» [7, с. 7] – новое знание о социальных феноменах формируется на основе теоретической генерализации отдельных случаев или воспоминаний людей. Представляя историю как серию упорядоченных во времени событий, нарративный анализ позволяет не только сочетать производство теоретически структурированных интерпретаций с чувствительностью к историческим деталям, но и осознавать степень опосредованности образа прошлого выбираемым историком «масштабом освещения» и его личной заинтересованностью [6; 7].

В качестве методологических оснований обращения к нарративу в социологии выступили: теория интерпретации, этнометодология, феноменология, лингвистическое разграничение форм репрезентации времени в языке, субъективистский подход и герменевтическая традиция. В соответствии с *теорией интерпретации* 1) объект интерпретации должен обладать смыслом (описываться в категориях ясности, согласованности, внятности либо

в противоположных им); 2) этот смысл должен быть отличен от средств его выражения (данный набор средств выражения может передавать нескольких смыслов); 3) должен существовать субъект, которому приписывается производство текста [8, с. 54]. Поскольку интерпретация зависит от целостного контекста взаимосвязанных убеждений, ценностей и практик интерпретатора, то из ее принципиальной неопределенности следует возможность и желательность различных «прочтений» текста.

Основной постулат *этнометодологии* утверждает рефлексивное использование действующими индивидами своих обширных «запасов знаний» о ситуации взаимодействия для обеспечения осмысленной интерпретации собственных поступков и действий других: «наша способность понимать и полностью осознавать значение <текста> неизбежно зависит от запаса прошлых знаний, которые читатель сознательно или неосознанно использует для конструирования значения» [1, р. 545]. *Феноменологический подход* допускает «социологическое переписывание» нарратива, или «повествования о себе», поскольку, будучи объективацией общих социальных процессов, рассказанная история дает возможность «реконструировать кристаллическую решетку знания группы» [9, с. 20]. *Лингвистическое разграничение* вариантов функционально-стилистической репрезентации времени в языке основано на различии «фактуры» времени в основных композиционно-речевых формах: в строгом смысле эгоцентричное время прослеживается только в нарративных текстах, сообщающих о некотором событии; ненарративные жанры отражают мир сквозь призму вечно длящегося настоящего момента – описание и рассуждение не имеют временного вектора, так как создают логическую, а не темпоральную последовательность [10].

При проведении социологического исследования *субъективистский подход* требует учитывать активную роль респондента и его влияние на исследователя, глубину наблюдения, а не широту охвата как основу надежности данных, исторический контекст

изучаемых процессов и явлений и невозможность обеспечить репрезентативность «мягкого» исследования [11, с. 41–44]. *Герменевтическая традиция* предполагает, что в самом общем виде работа с нарративами включает в себя прочтение текстов, «вживание» в их содержание и вычленение «когнитивных фигур», которые подвергаются многократному анализу [12, с. 118]. Рассматривая текст в его притязании на истинность и вводя тезис о принципиальной открытости интерпретации и неотделимости понимания текста от самопонимания интерпретатора, герменевтика утверждает важность не столько референциальности истории жизни, сколько неких «практических схем» мышления, диапазона и вариативности обнаруженных в текстах смысловых структур и «репертуара возможностей».

Обращение социологии к нарративу укладывается в общую тенденцию роста интереса социальных наук к *биографиям*, связанную с тем, что «обобщающие исследования в науке не могли “схватить” специфичность и сиюминутность жизненных реалий, в фактологических описаниях индивидов отсутствовали сопоставимость, связность и ощущение “эссенциальности”» [6, с. 12]. Однако биографические материалы содержат слишком много специфики, чтобы запоминать эти данные сами по себе, – необходим подход, не просто детально описывающий, но и обобщающий факты субъективного опыта, выявляющий причинные связи и формирующий типологии, – нарративный анализ претендует на соответствие этим критериям.

Что такое нарративный анализ?

В целом исследователи [13] относят нарративный анализ к *интерпретативной парадигме* социального знания, в рамках которой вербальные, устные или письменно зафиксированные выражения индивидуального смысла рассматриваются как «окна» во внутренний мир человека. «Интерпретативный поворот» «се-

мантизировал» исследовательское поле социальных наук: текстовые объекты, обладая маркерами социальной принадлежности, становятся почти неотличимыми от реальности, поскольку являются субъектами социального воздействия и агентами преобразующих и структурирующих социальных практик. Интерпретативный подход к анализу текста предполагает, что его смысл – функция одновременно и укорененной в социальном опыте индивида когнитивной схемы, и той социальной ситуации, в условиях которой текст порождается и воспринимается. Но значение текста не является чисто субъективным и ситуативным – смысл текста всегда структурируется контекстами: каждое слово есть смысловое ограничение для других, и итоговый смысл фразы есть лишь некоторая совокупность трактовок, которая значительно меньше суммы значений всех входящих в нее слов (ситуация аналогично ограничивает спектр возможных прочтений предложения).

Предметом исследования в нарративном анализе является рассказанная история, или повествование, с точки зрения способов упорядочивания опыта в последовательную цепь событий: нарративный анализ изучает не просто содержание жизненного опыта, а формы рассуждения о нем – лингвистические и культурные ресурсы построения истории и убеждения слушателя в ее подлинности [13]. В отличие от каузальной модели, ничего не говорящей об отношениях с «другим» в различных типах социокультурных ситуаций, нарративный анализ предполагает вчувствование социолога в жизненную ситуацию «другого» на основе собственных навыков эмпатии.

Основная проблема нарративного анализа – истинность нарратива в ситуации, «...когда нарратив рассматривается как отражение социальной реальности» [1, р. 534]: одни исследователи считают, что нарратив воспроизводит реальные события; другие полагают, что нарратив конституирует действительность (рассказывая, человек выделяет «реальные» события из потока сознания); третьи утверждают, что информанты неизбежно приукрашивают

историю, привнося в нее свои интересы и ценности. Безусловно, одни и те же события предстают в разном свете в зависимости от ценностных приоритетов рассказчика. Ситуация усложняется тем, что прошлое – всегда избирательная реконструкция, из которой люди стремятся исключить опыт, угрожающий утверждаемой ими сегодня идентичности, а само представление факта предполагает определенную интерпретативную работу, т.е. «вымысел» [14, с. 96]. Фактографическая канва нарратива соотносима с общезначимыми историческими событиями как определенными контрольными точками; что же касается интерпретации, или «вымысла», то к нему не применим критерий истинности/ложности, ибо любая интерпретация имеет свое субъективное обоснование, и уже в силу этого обстоятельства истинна [15, с. 78].

Для нарративного анализа установление исторической истинности индивидуального объяснения не является главной задачей. Поскольку нарратив есть самописание субъекта, в котором акты рассказывания о себе представляются фундаментальными для реальности субъективного существования, нарративный анализ рассматривает язык не как инструмент отражения внешнего мира, а как способ и условие конструирования смысла. Иными словами, нарративы стремятся не к объективности, а к истинам опыта, которые раскрывают себя только после интерпретации нарратива с точки зрения оформивших его контекстов и повлиявших на него мировоззрений: «изучение реальных людей, имеющих реальный жизненный опыт в реальном мире, происходит в нарративном анализе при помощи истолкования смысла, которым люди наделяют переживаемые события» [13, с. 44]. Эта характеристика нарратива заставляет социолога отказаться от безопасной роли интерпретатора извне, поскольку его социальное положение оформляет те смыслы, которые он извлекает из истин нарративов.

Рассказчик всегда пытается навязать читателю «предпочтительное» прочтение своих текстов: «произведение представляет собой некое целое, единство которого определяется единством его

смысловой интенции, т.е. задачей суггестивного внушения потребителю определенного смысла, определенного представления о действительности, “образа мира”» [16, с. 16]. Однако читатель всегда «видит в тексте “свой” смысл благодаря собственному “интертекстуальному фрейму” и потому является “частью процесса порождения текста”» [1]. Так, например, информация нарративного интервью есть результат коммуникации интервьюера и информанта, их совместного «здесь-и-сейчас» конструирования реальности в контексте «драматургической» множественности идентичностей [18]: взаимодействие происходит не столько между индивидами как субъектами, сколько между разными социальными лицами индивидов или изображаемыми ими персонажами, поэтому нарратив как продукт сотворчества исследователя и информанта зависит от контекста, от определения ситуации общения с интервьюером.

В итоге некоторые исследователи говорят о необходимости отказаться от анализа содержания нарратива и рассматривать в нем исключительно формы презентации индивидуального и социального опыта. Такой подход не совсем верен – более корректным было бы говорить о направлении исследовательского интереса: если для социолога важны оценки и восприятие респондентами тех или иных явлений социальной действительности, то его внимание будет направлено на *способы конструирования* повествования. В этом случае нарратив выступает не как свидетельство, а как социальная практика или конструкция, помогающая понять и объяснить механизмы производства и воспроизводства социальных представлений. Если исследователю необходимо определить наличие или отсутствие конкретных явлений в жизни респондента, то, видя в нарративе лишь отображение реальности, он будет пытаться «снять» интерпретации слой за слоем и *расшифровывать текст*, чтобы постичь «подлинную» реальность. Язык здесь рассматривается как посредник, передающий неизменные и единственные значения, поэтому, исследуя описываемые прак-

тики, социолог реконструирует «когнитивно-нормативные схемы и картографию повседневной жизни».

Особенности нарративного анализа как метода

Итак, можно выделить следующие особенности нарративного анализа как метода: 1) субъект-субъектный характер отношений исследователя и текста/информанта, предполагающий выход за рамки схемы анализа; 2) полное и всестороннее описание феномена в контексте его существования; 3) выявление литературного измерения текста респондента (в его семантической структуре присутствуют риторический и поэтический планы, репрезентирующие не столько сам изучаемый объект, сколько особенности дискурса автора); 4) учет «перспективы деятеля», его смыслового горизонта (интерпретация ситуации через субъективные категории и определения деятеля оказывается важнее, чем то, какова ситуация сама по себе); 5) направленность на воссоздание исторической, развернутой во времени перспективы событий, поскольку история социальных институтов и социальных изменений раскрывается через жизнеописания людей.

Эти особенности являются общими для нарративного анализа и биографического метода, поскольку они используют субъективные биографические повествования в конструировании социологических описаний и интерпретаций. Тем самым они вносят в социологическое исследование измерение времени и субъективные определения реальности, действующие как постоянные детерминанты и продукты социального взаимодействия. Понятия нарратива и биографического повествования оказываются «синонимичными», так как: 1) предоставляют детальные описания «истории» отдельной личности, в которых значимые социальные связи и мотивы действий получают убедительное освещение «с точки зрения деятеля»; 2) используются для изучения тех социальных групп, которые трудно поддаются пространственной и времен-

ной локализации; 3) дают первичное знание о социальной структуре и процессах на основе индивидуальных репрезентаций социальной реальности [6, с. 17]. Более того, некоторые исследователи рассматривают нарративный анализ как один из вариантов реализации биографического метода [17]: *реалистический подход* использует жизненные истории как новый фактический материал, содержащий субъективную интерпретацию внешних социальных структур; *повествовательный/нарративный подход* акцентирует способы, посредством которых информанты во взаимодействии с интервьюерами конструируют истории и высказывают мнения и оценки.

Сложность однозначного позиционирования нарративного анализа в рамках качественной методологии в значительной степени обусловлена отсутствием единства в определении биографического метода. Одни авторы [20] считают, что методы, в современной социологической литературе называемые биографическими, по сути идентифицируются с историей жизни как отдельной областью социологического исследования, но биографический метод отличается от анализа историй жизни доминированием интереса к коллективной истории. Иными словами, биографический метод посредством микроанализа позволяет раскрывать макросоциальные структуры, в то время как метод истории жизни прямо направлен на изучение микросоциальных структур [9; 20; 21]. Другие авторы [22] связывают отсутствие четкого конвенционального определения биографического метода с его комплексным содержанием и междисциплинарным характером, что неизбежно ведет к отсутствию терминологического единства.

Методы анализа нарративов

Общая схема работы с нарративами предполагает несколько этапов [21]: 1) непосредственное участие информанта (рефлексия, воспоминания, накопление отдельных фактов в наблюдениях);

2) конструирование нарратива так, чтобы авторская интерпретация событий стала понятна слушателям; 3) фиксация речевого действия в письменной форме/транскрибирование; 4) анализ социологом расшифровок (изучение повествования с точки зрения формы, стиля и размещения жизненных фрагментов) и создание некой мини-теории (собственной версии изучаемого явления), исходя из поставленных исследовательских задач и теоретических предположений; 5) восприятие читателем написанного отчета (он становится соавтором текста, привнося в него свои смыслы, вопросы и сомнения). Каждый из перечисленных этапов, с одной стороны, конституирует описываемый в нарративе опыт, придавая ему смысл, а с другой, – «сжимает», редуцирует, искажает и изменяет его [23].

Можно выделить несколько подходов к анализу нарративов [13]: драматический, социолингвистический и структурный. *Драматический подход* акцентирует внимание на грамматических ресурсах, применяемых индивидами для характеристики действия, сцены, агентов, обстоятельств и целей. *Социолингвистическая традиция* апеллирует к изучению разнообразных черт речевой пунктуации, которые помогают интерпретатору услышать, как группируются предложения. Задача нарративного анализа в этом случае состоит в выявлении не только лингвистических характеристик истории, но и собственно социологического содержания набора фраз [1, р. 519]. *Структурный подход* основан на предположении, что «нарративы обладают общей структурой, которую можно анализировать, невзирая на сложность ее формулирования», и направлен на поиск «инвариантных структурных компонентов нарратива» [1, р. 524]. В качестве таковых могут выступать «сферы действия» или функции, определенное соотношение элементов (субъект/объект, отправитель/получатель, помощник/оппонент) или понятия «грамматического анализа» (каждая история может быть прочитана как вид распространенного предложения, по-разному комбинирующего характеры – существительные,

их атрибуты – прилагательные и их действия – глаголы). Процедура структурного рассмотрения нарратива включает в себя несколько этапов: 1) выделение речевых отметок начала и конца повествования и вычленение относительно простого нарратива; 2) перепись выбранного нарративного сегмента с нумерацией строк и указанием его структурных элементов; 3) формальный анализ нарратива с точки зрения соотношения элементов нарративной структуры (способа отбора прошлых событий, сюжета, описания действующих лиц и временной последовательности); 4) выяснение социальной роли нарратива – как он возник, читается, изменяется и т.д.

Конкретные приемы анализа нарративов весьма многочисленны и разнообразны, поэтому, чтобы составить некоторое целостное впечатление о “прикладном” нарративном анализе, можно условно упорядочить их по степени относительной «формализации» на шкале с «количественным» и «качественным» полюсами. «Количественный» полюс условной шкалы составляют различные типы *контент-анализа* [27, с. 92]: *прагматический* контент-анализ представляет собой классификацию высказываний с последующим установлением причинно-следственных связей, *семантический* контент-анализ предполагает систематизацию символов в зависимости от их значений, *психологический* контент-анализ направлен на изучение эмоциональной окрашенности высказываний.

Следующую градацию занимает *информативно-целевой анализ текста*, который определяет, насколько адекватны друг другу структуры порождения и интерпретации текстов вопросов и ответов. Выделяя макроструктуру (иерархию смысловых блоков в тексте относительно основной идеи) и микроструктуру (связи между смысловыми узлами) текстов интервьюера и респондента [28, с. 134], информативно-целевой анализ позволяет «контролировать соответствие формулировки вопросов целям исследования, определять коэффициент информативности ответов и оценивать с этой точки зрения качество формулировок соответствующих

вопросов, выявлять рассогласованности “фокусов” вопросов и ответов и находить способы их устранения» [29, с. 116].

Основной интерес для *качественного* анализа текста представляет соотношение между его рациональными и риторическими элементами: рациональные средства раскрывают суть идеи (хотя она искажается самим фактом облачения смысла в слова), а риторические (эмфаза, повторы, параллели, лейтмотивы, метафоры и т.д.) делают идею доступной и привлекательной для восприятия. Соответственно задача аналитика состоит в выявлении всех возможных смыслов текста, даже тех, которые завуалированы красивой риторикой.

Крайнее положение на «качественном» полюсе условной шкалы занимает *краткий пересказ биографического нарратива* с выделением фрагментов, характеризующих навыки автора осмысливать события собственной жизни [12]. Следующую градацию занимает анализ нарративов с помощью *метафоры «сценария»* как некоего набора адекватных культуре нормативных образцов поведения в определенной сфере повседневных практик [30]. Первоначально сценарии рассматривались на двух микроуровнях – интрапсихическом (планы на будущее, руководство в текущих действиях) и межперсональном (социальные взаимодействия), позже в сценарии был добавлен третий уровень – «культурные инструкции», или знание о том, что оценивается как хорошее/плохое и какие концовки имеют различные типы нарративов. В рамках конкретного сценария человек придает опыту определенные значения, поэтому предметом исследования становятся не жизненные практики как таковые, а те значения, которыми наделяются их конфигурации и через которые «происходит конструирование идентичности, создается нарративная идея о себе» [30, с. 24]. Поскольку в основе «заключения автобиографического пакта с самим собой» лежит поиск собственной идентичности, а идентичность есть процесс и количество идентичностей неограниченно, то текст можно интерпретировать как историю смены идентич-

ности, а рассказывание о себе как род действия, направленного на убеждение слушателей в своей правоте.

Срединную градацию условной шкалы занимает ряд «аналитических и интерпретативных процедур, которые используются для получения данных, включают техники для концептуализации данных» [31, с. 18] и обозначаются А. Страуссом и Дж. Корбином как *последовательное кодирование*, ведущее к формированию «*обоснованной теории*» [32, с. 21]. На основе секвенций (отрывков текста, содержащих внутренне законченный сюжет) проводится сравнительный анализ предварительно стилизованных историй респондентов (устная речь со свойственными ей незаконченными фразами, опережениями и возвращениями превращается в подчиненный строгим правилам литературный письменный дискурс). Создание «обоснованной теории» проходит в несколько этапов: 1) *открытое кодирование* – идентификация и развертывание понятий с точки зрения их свойств и измерений посредством маркировки подобных случаев ярлыками и их группировки в категории; 2) *осевое кодирование* – связывание субкатегорий с категорией в рамках некоторой модели; 3) *избирательное кодирование* – выбор центральной категории и связывание всех наиболее важных категорий с ней и друг с другом для создания четкой линии аналитической истории изучаемого феномена. Для выработки «обоснованной теории» необходимо совместное обсуждение текста несколькими учеными, так как *групповой анализ* способствует интеграции кодовых понятий в гипотезы и повышает теоретическую чувствительность исследователей [23].

Как показывает условная шкала, предлагаемые приемы работы с нарративами не являются исключительной прерогативой нарративного анализа – это методы работы с текстовой информацией любого происхождения, которые различаются между собой по степени формализации. Так, например, они входят в *общую схему анализа «жизненных траекторий»* [33], которая предполагает два последовательных этапа: 1) систематизация повествований на

основе совмещения количественного и качественного подходов и выбор для социальных измерений конкретных характеристик, имеющих свои временные рамки; 2) изучение описываемых событий с точки зрения принятия и совершения осознанных решений. После тщательного анализа конкретного социального опыта и рассмотрения «социальной мозаики жизни» выделяются определенные социальные типы, обобщающие жизненное разнообразие и помогающие выйти на проблемы глобального характера. Описываемые приемы нарративного анализа укладываются и в *классификацию методов интерпретации автобиографических текстов глубоких интервью* [33]: 1) конструирующий метод (анализ автобиографий под углом зрения изучаемой проблемы и на основе некоторой социологической теории); 2) метод примеров (иллюстрирование и подтверждение определенных тезисов или гипотез wybranными из автобиографий примерами); 3) типологический анализ; 4) контент-анализ; 5) статистическая обработка (установление зависимости различных характеристик авторов и их позиций от свойств социальных групп).

Все приемы «прикладного» нарративного анализа можно свести и к двум *моделям контент-анализа*, выделяемым на основе различия задач исследования [34, с. 74–88]: традиционная *частотная модель* предполагает описание содержания текста в рамках уже обоснованных параметров, *нечастотная модель* – открытие «формулы» содержания текста и описание состояния субъекта, создавшего текст. Использование нечастотной модели осуществляется в «авторском исполнении» и ориентировано на обнаружение нового феномена, построение концепции содержания текста и определение ее распространенности. Исходная предпосылка нечастотного контент-анализа состоит в том, что фактический объект исследования (текст) должен адекватно отражать реальный объект, а именно [35, с. 67]: 1) текст должен принадлежать реальному объекту исследования; 2) текст должен быть создан без каких-либо форм давления на человека; 3) процесс создания текста дол-

жен быть естественным (воздействие исследователя минимально); 4) объем анализируемого текста должен обеспечивать реализацию цели исследования (искомый элемент структуры содержания должен попасть во включенный в анализ текст).

Результаты работы с нарративами характеризуются следующими аспектами. Аналитическое обобщение результатов нарративного анализа не снимает с исследователя ответственности за строгость представленных выводов, которая достигается не статистической генерализацией, а отражением социального феномена с разных точек зрения. Несмотря на отказ от теоретических предпочтений, терминологические нововведения должны осуществляться традиционно научными способами, главным образом посредством калькирования понятий «количественной» методологии. Нарративный анализ – не некая альтернативная терминологическая сфера, а только расширение имеющейся. Первый аспект относится к качественной методологии в целом, а второй трактует нарративный анализ как расширение терминологической сферы качественного и количественного подходов. Вероятно, большинство методологических сложностей нарративного анализа связано с тем, что он развивается в русле качественной социологии, но претендует на выход за ее пределы. В любом случае валидизация нарративного анализа не может быть сведена к набору формальных правил или стандартизированных технических процедур, поскольку валидность любой интерпретативной работы – это подвижная, развивающаяся проблема. Для обеспечения валидности данных, подверженных стилизации со стороны исследователя, необходимо «постоянно возвращаться к транскрипту интервью для контроля над аутентичностью наших интерпретаций» [19, с. 237].

Области применения нарративного анализа

Современная *социология знания* анализирует процессы текстообразования в науке для выявления в тексте социально институ-

ционализированной иерархии ценностей, объяснения процесса коллективного производства знания в ходе научной коммуникации и рассмотрения научного текста как компонента литературного процесса с присущими ему жанровыми и функционально-стилистическими особенностями [14, с. 98]. Перечисленные задачи можно решать и без обращения к понятию нарратива, однако социолог может обозначить научный доклад, выступление, лекцию, отчет, разговор и т.д. как нарратив и проводить «нарративный анализ» с помощью контент-аналитических методов.

Исследователи в *области массовой коммуникации* рассматривают новости как нарратив [36], поскольку в них можно выделить главных и второстепенных действующих лиц и последовательно развивающееся действие, которое соответствует привычным для аудитории сценариям и имеет начало, середину, конец и маркированные драматические повороты в сюжете. Нарративный анализ новостей, или изучение того, как в них задействованы различные нарративные стратегии (анекдот, сказание, притча и т.д.) и коммуникативные компетентности зрителя (рекреативная, регулятивная и т.д.), позволяет понять, как новостному жанру удается сохранять соответствие критериям объективности и непредвзятости и одновременно выполнять функции идеологического медиума [1, р. 531]). Понятие нарратива в данном контексте упрощает работу с новостным материалом как в структурном, так и в содержательном плане.

Немецкие *военные социологи* применяют нарративы для «анализа военной тематики на уровне повседневности» [37, с. 248]: анализ свидетельств очевидцев и изучение «устной истории» помогли представить поражение вермахта в реальном свете, освободив этот факт от мифологизации. В целом для западной социологии характерно использование понятия нарратива для обозначения любых текстовых данных биографического плана (записок, документов, дневников, писем, разговоров, публикаций и т.д.), чтобы подчеркнуть «качественный», субъективный характер изучаемого материала.

Современные *исследователи бедности* [38] рассматривают этот социальный феномен не столько как отсутствие дохода, сколько как стиль жизни: низшие слои населения в условиях постоянной нужды вырабатывают собственные установки, ценности и устойчивые модели поведения, которые социально наследуются и подчеркнуто отличаются от общепринятых. Выявление содержательных характеристик субкультуры бедности достигается посредством нарративного анализа, поскольку понятие «бедный» не является чисто структурным (с точки зрения теории социальной стратификации), а включает в себя субъективные ощущения и зависит от места этой категории в системе ценностей общества. Использование нарративов позволяет «услышать» «неуслышанные голоса» и «увидеть» скрытые области жизненного опыта бедности, связанные со способами организации повседневной жизни. Однако понятие нарратива здесь оказывается синонимом того или иного варианта неструктурированного интервью и его транскрипта, хотя это касается только российской социологии: в западной социологии понятие нарратива является общепринятым, безальтернативным и социологически «институционализированным» обозначением любых текстовых данных «качественного» характера.

Е.Р. Ярская-Смирнова [23] предлагает использовать нарративы в *социокультурном анализе нетипичности*, что позволит рассматривать ее как особую социальную реальность, в которой приходится жить людям с нетипичной внешностью и особым опытом переживания повседневности. Созданная посредством социокультурного анализа [39] социальная, а не патологическая модель инвалидности, показала, что, например, глухие относят себя не к дефектным, а к людям со специфическим способом коммуникации, свойственным их субкультуре. Ярская-Смирнова [13; 23; 39] использует «биографический метод и нарративный анализ», понимая под последним анализ записанных и расшифрованных рассказов респондентов с точки зрения контекстуальных оснований конструирования смысла. Причины обращения исследователя

к понятиям нарратива и нарративного анализа не совсем понятны: если речь идет о распечатках материалов интервью, то в социологии принято обозначение транскрипта; если речь идет об определенной стратегии исследования, то для изучения нетипичных социальных практик, в частности ею же, используется биографический метод. Рассматривая биографию как продукт социального мира, в котором исторические события влияют на «нормальный» ход индивидуальной жизни, Ярская-Смирнова вводит понятие нарратива для соединения микро- и макроуровня исследования биографий, но понятие биографии уже подразумевает субъективное описание объективных социальных структур.

Введение понятия нарратива в социологическое исследование оправданно в том случае, если оно призвано объединить следующие подходы к изучению индивидуальных биографий [22], чтобы не конкретизировать параметры исследовательского поиска заранее: 1) если биография рассматривается как последовательность реальных жизненных событий, то задача социолога – сопоставить факты биографии с общим историческим и социальным контекстом и реконструировать микроисторию социальных групп или поколений; 2) если биография определяется как последовательность институционализированных статусных переходов, то социолог стремится установить причинно-следственные связи объективных событий и субъективной мотивации действий; 3) если биография – это социальный конструкт истории жизни, позволяющий реконструировать коллективную биографию как типичную в определенной среде, то исследователя интересует не правдивость описанных событий, а те смыслы и значения, которые придает им рассказчик в процессе организации собственного разрозненного опыта в единую биографию.

Можно было бы не акцентировать внимание на введении в социологическое исследование понятия нарратива, синонимичного уже существующим, но качественные методы настолько часто подвергаются критике за излишний субъективизм и размытость теоре-

тических и методических оснований, что нет смысла усугублять ситуацию, если это не дает ничего нового в содержательном плане. Рассмотрим вкратце пример, предлагаемый Р. Францози [1] в качестве доказательства, что структурный нарративный анализ есть проявление взаимодействия лингвистики и социологии на уровне текста: учитывая как структуру, так и тончайшие лингвистические нюансы повествования, он позволяет увидеть собственно социологическое содержание набора фраз.

Пример

Невилл: «Когда жена выгнала меня из дома, несколько недель я жил в своей машине. Будучи бездомным, она не позволяла мне видеться с сыном... Я очень скучал по Рики. Друг посоветовал мне прийти в Приют. Я сомневался... боялся идти, но все оказалось просто прекрасно. Это немного напоминает отель, здесь очень чисто и персонал отличный. Моя жена поступила очень хорошо – пришла проверить, где я живу, и теперь позволяет сыну навещать меня. Приют позволил мне восстановить связь с семьей...»

Итак, перед нами нарратив: текст описывает «темпоральный характер человеческого опыта», указывает на изменение ситуации с «плохой» (бездомность и крушение семейной жизни) на «хорошую» (нахождение жилья и восстановление отношений с семьей) и содержит нарративные и ненарративные (дескриптивные) фразы, расположенные в хронологическом порядке. Последовательность фраз соответствует ходу описываемых событий, фабула и сюжет совпадают с минимальным доминированием сюжета, что говорит о достаточной нарративной компетентности автора. С точки зрения трех аспектов нарративного времени – порядка, длительности и частоты, можно сказать следующее. Во-первых, нам неизвестно, когда именно происходили описываемые события – деиктический элемент «теперь» связывает историю скорее с моментом наррации, чем с предшествующим ему, однако наррация могла происходить в любой момент прошлого до публикации;

во-вторых, мы знаем, что Невилл несколько недель жил в машине, но нам неизвестно, как долго он жил в Приюте или сколько длится визиты его сына; в-третьих, нам неизвестно, как часто Рики навещает отца в Приюте, хотя глагол «не позволяла» указывает на повторяемость действия, на длительное время существования запрета на визиты к отцу.

Невилл отводит одинаковую «текстовую длительность» (одно предложение) для событий с различной реальной темпоральной протяженностью («Несколько недель я жил в своей машине» и «Моя жена пришла проверить»). Выбор «фактов» и несоответствие нарративной и реальной длительности событий в истории Невилла указывают на идеологический подтекст повествования: драматическое вступление «Когда жена выгнала меня из дома», являющееся «фоном» для следующего высказывания «Несколько недель я жил в своей машине», затемняет изгнание из дома и выводит на первый план состояние бездомности. Будучи первым предложением нарратива, высказывание очень значимо, но ни в нем, ни в последующих фразах Невилл не сообщает читателю, почему жена выгнала его. Нарратив Невилла не приводит причин действия, имевшего для него трагические последствия, – он акцентирует внимание на трагических последствиях. В ситуации отсутствия очевидных оценочных высказываний именно аккуратное описание «фона» и «авансцены», умалчивание причин и акцентирование последствий позволяют Невиллу настойчиво предлагать читателю свою точку зрения, «мужское» определение ситуации, характеризующее поступки жены Невилла как немотивированные и подлые.

Понимание скрытой каузальной аргументации нарратива Невилла позволяет интерпретировать его как политический манифест против женщин – Невилл обвиняет их во всех бедах мужчин. Драматическое начало истории звучит как обвинение в адрес жены, особенно в свете продолжения нарратива, как бы показывающего, что Невилл не заслужил подобного обращения: грубое поведение жены, которое выглядит бессмысленным в силу

своей нарративной беспричинности, показывает Невилла скорее как жертву, чем как негодяя. Дальнейшие «подсказки» также формируют позитивный образ Невилла – он очень скучает по сыну, стремится наладить семейную жизнь, ценит уют, умеет дружить. Нарратив представляет нам не наглого и бесстыжего негодяя, а бездомного, безобидного и глубоко оскорбленного в своих отцовских чувствах мужчину, который заслуживает нашего сочувствия.

Поведение жены Невилла характеризует ее как сильного, уверенного в себе человека, соответственно, намеренно или нет, Невилл представляет себя слабохарактерным человеком: он пассивно подчиняется авторитету и власти жены – в его истории нет и намека на противодействие тем ее решениям, которые имели для него трагические последствия. Может быть, Невилл считает, что у жены были весомые причины, чтобы выгнать его из дома? Может быть, он думает, что заслуживает такого обращения из-за своего аморального поведения, или, наоборот, «он гордится и получает удовольствие от боли»? Мы не знаем ответа на эти вопросы, однако видим, что в тексте происходит перестановка стереотипных гендерных ролей мужской агрессивности и женской пассивности, что вполне объяснимо, если предположить, что Невилл – выходец из низшего социального класса: отсутствие ресурсов ограничивает его выбор вариантов поведения – он беден и не может отстаивать свои права на ребенка в суде.

Мы не знаем, оценивает ли Невилл действия своей жены как справедливые или несправедливые, но, по крайней мере, мы можем спросить: «Какими ресурсами располагает Невилл? Какой информацией мы владеем о нем? Кто он такой?». Мы знаем, что Невилл, скорее всего, молод, так как его сын Рики еще маленький мальчик, которому нужно разрешение матери, чтобы встретиться с отцом. Вероятно, он белый: большинство бездомных в Англии являются белыми мужчинами в возрастной группе от 25 до 44 лет. Мы понимаем, что Невилл беден, иначе он мог бы переехать в отель или в свой дом после того, как его «выгнали». В наррати-

ве нет упоминаний о финансовой помощи Невилла своей семье, но, скорее всего, он не поддерживает семью материально, как это часто случается после развода. Мы не знаем, является ли Невилл безработным, но, вероятно, так оно и есть, если же он работает, то это одна из тех низкооплачиваемых и низкостатусных позиций, на которые может претендовать бездомный.

Не только сами описываемые события, но и лингвистические характеристики повествования Невилла помогают нам определить его социальное происхождение как выходца из низших слоев британского общества. В повествовании Невилла обнаруживается множество маркеров «языка бесправных»: мы видим речевые разделители (многоочия говорят о неуверенности и смущении), «пустые» прилагательные («великолепный», «отличный») и усилители («очень скучал», «очень чисто»). То, что кажется Невиллу привлекательным в Приюте («чисто», «похож на отель»), характеризует восприятие типичного представителя рабочего класса. В целом текст Невилла содержит специфическую смесь лингвистических кодов интеллигента и малообразованного человека, хотя события и их изложение создают образ бесправного персонажа.

Кардинальное изменение жизненной ситуации Невилла происходит благодаря Приюту, а не его сильной и властной жене: в грамматическом плане она является субъектом во всех фразах, кроме последней, где ее место занимает Приют – «позволив» Невиллу восстановить семейную жизнь, он отбирает у его жены «статус» агента социального «позволения». Может быть, нарратив Невилла – это реклама Приюта? Красочные характеристики Приюта, его роль «неожиданного спасителя» и двусмысленность последней фразы вполне допускают подобную трактовку: явное подтверждение возвращения Невилла из Приюта домой в конце нарратива отвлекло бы внимание читателей от Приюта как объекта рекламы, поэтому завершение повествования и оказывается столь неопределенным. Структурный анализ истории Невилла, учитывающий лингвистические нюансы повествования, помогает по-

нять, что текст может оказаться и рекламой Приюта, и женоненавистническим манифестом, и тем и другим одновременно. Если бы у нас было больше контекстуальной информации о нарративе Невилла, мы могли бы точнее определить его смысловую нагрузку.

В любом случае наша способность понимать смысл даже столь простого текста зависит от запаса прошлых знаний, который мы сознательно или неосознанно используем для конструирования значений. Наша способность увидеть в истории Невилла рекламный текст зависит от «предзнания» рекламных кодов; способность заметить глубоко и прочно укоренившийся мужской предрассудок определяет лингвистическая компетентность (позволит ли она понять значения, зашифрованные в языковых нюансах); способность проникнуть в микрокосмос Невилла зависит от знания социальных отношений его макрокосмоса (британского общества). Более того, на наше восприятие нарратива Невилла влияют наши установки по отношению к бездомным и гендерные стереотипы.

Итак, в рассмотрении нарративных текстов социологов интересуют не столько лингвистические нюансы или инвариантные структурные характеристики повествования (это задачи лингвистов), сколько сами социальные отношения. Для этого они «вытаскивают» из текста основные тематические линии, которые являются общими для всех текстов, но различаются своим преломлением в индивидуальной жизни, затем табулируют их или рассматривают отдельные отрывки типичных «тем». «Истории респондентов» раскладываются на отдельные части, а затем соединяются в новые истории, утрачивая при этом единство и контекст первоначального нарратива. Полученные таким образом повествования социологи искусственно делают связными и последовательными, превращая их в «научные» этнографические тексты в рамках социологической «литературы». Поэтому понятие нарративного анализа может стать частью социологической терминологии только в том случае, если конкретизировать его содержательное напол-

нение, как, например, совокупности приемов изучения лингвистических характеристик повествования, позволяющих выявить собственно социологическое содержание набора нарративных и дескриптивных фраз и рассмотреть взаимосвязи микро- и макроуровня, частного и всеобщего как укорененных в лингвистических практиках.

Безусловно, любая методологическая точка зрения частична, неполна и исторически ограничена, что требует полифонии репрезентаций, где нарративный анализ может определяться как подход, удобный в одних исследовательских ситуациях и неприменимый в других [36]. Вероятно, определение «методологического статуса» нарративного анализа в корпусе социологического знания полностью зависит от позиции ученого: если он сторонник нарративного анализа, то сформулирует совокупность логичных аргументов в пользу его научной состоятельности, если противник – выдвинет не меньше доводов в пользу его теоретической и методической несостоятельности.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Franzosi R.* Narrative Analysis – or Why (and How) Sociologists Should Be Interested in Narrative // *Annual Review of Sociology.* 1998. Vol. 24. P. 517–554.
2. *Ушакин С.А.* Количественный стиль: потребление в условиях символического дефицита // *Социологический журнал.* 1999. № 3/4. С. 187–214.
3. *Labov W.* Some Further Steps in Narrative Analysis // *Special Issue of the Journal of Narrative and Life History.* 1997.
4. *Калмыкова Е.С., Мергенталер Э.* Нарратив в психотерапии: рассказы пациентов о личной истории // *Журнал практической психологии и психоанализа.* 2002. № 1–2.
5. *Labov W., Waletzky J.* Oral Versions of Personal Experience: Three Decades of Narrative Analysis // *Special Volume of a Journal of Narrative and Life History.* 1997. Vol. 7. P. 3–38.
6. *Рустин М.* Размышления по поводу поворота к биографиям в социальных науках // *ИНТЕР.* 2002. № 1. С. 7–25.
7. *Янков И.В.* Нарратив в историческом освоении действительности: феномен обновления и социокультурный смысл: Дисс. ... канд. филос. наук. Екатеринбург, 1997.

8. *Девятко И.Ф.* Модели объяснения и логика социологического исследования. М., 1996.
9. *Козлова Н.Н.* «Повесть о жизни с Алешей Паустовским»: социологическое переписывание // Социологические исследования. 1999. № 5. С. 20–33.
10. *Карасик В.И.* Языковые концепты как измерения культуры (субкатегориальный кластер темпоральности) // Научная библиотека Центроконцепта: Концепты, 1997. Вып. 2 (2).
11. *Добрякова М.С.* Исследования локальных сообществ в контексте позитивизма, субъективизма, постмодернизма и теории глобализации // Социология: методология, методы, математические модели. 2001. № 13. С. 27–60.
12. *Цветаева Н.Н.* Биографический дискурс советской эпохи // Социологический журнал. 1999. № 1/2. С. 118–132.
13. *Ярская-Смирнова Е.Р.* Нарративный анализ в социологии // Социологический журнал. 1997. № 3. С. 38–62.
14. *Воробьева А.В.* Текст или реальность: постструктурализм в социологии знания // Социологический журнал. 1999. № 3/4. С. 90–99.
15. *Божков О.Б.* Биографии и генеалогии: ретроспективы социально-культурных трансформаций // Социологический журнал. 2001. № 1. С. 74–88.
16. *Барт Р. S/Z / Пер. с фр.; Под ред. Г.К. Косикова.* М., 2001.
17. *Готтлиб А.С.* Качественная социология: предпосылки, контуры, проблемы // Сборник научных трудов ученых и аспирантов социологического факультета. Самара, 2001.
18. *Гофман И.* Представление себя другим в повседневной жизни / Пер. с англ.; Вступ. статья А.Д. Ковалева. М., 2000.
19. *Судьбы людей: Россия XX век: Биография семей как объект социологического исследования.* М., 1996.
20. *Бухараева Л.М.* Методологические основания качественного анализа в исследовании образовательных ценностей студентов // Социология: методология, методы, математические модели. 2001. № 13. С. 5–27.
21. *Бурдые П.* Биографическая иллюзия // ИНТЕР. 2002. № 1. С. 75–85.
22. *Социокультурный анализ гендерных отношений / Под ред. Е.Р. Ярской-Смирновой.* Саратов, 1998.
23. *Ярская-Смирнова Е.Р.* Социокультурный анализ нетипичности. Саратов, 1997.
24. *Веселова И.С.* Нарратология стереотипной достоверной прозы // www.folk.ru/propp/rech/veselova.html.
25. *Швейцер А.Д.* Социоллингвистика // Лингвистический энциклопедический словарь. М., 1990. С. 481–482.
26. *Maines D.R.* Narrative's Moment and Sociology's Phenomena – toward a Narrative Sociology // Sociological Quarterly. Vol. 34. № 1. P. 17–37.
27. *Дмитриева Е.В.* Фокус-группы в маркетинге и социологии. М., 1998.

28. Дридзе Т.М. От герменевтики к семиосоциопсихологии: от «творческого» толкования текста к пониманию коммуникативной интенции автора // Социальная коммуникация и социальное управление в эоантропоцентрической и семиосоциопсихологической парадигмах / Отв. ред. Т. М. Дридзе. М., 2000. Кн. 2.
29. Киселева И.П. Информативно-целевой анализ текста свободного интервью // Социологический журнал. 1994. № 3. С. 110–116.
30. Гендерные тетради. СПб., 1999. Вып. 2.
31. Страусс А., Корбин Дж. Основы качественного исследования: обоснованная теория, процедуры и техники / Пер. с англ.; Послесл. Т. С. Васильевой. М., 2001.
32. Готлиб А.С. Социально-экономическая адаптация россиян: опыт сочетания количественной и качественной методологии в отдельно взятом исследовании // Социология: методология, методы, математические модели. 2000. № 12. С. 5–35.
33. Белановский С.А. Индивидуальное глубокое интервью. М., 2001.
34. Таршиш Е.Я. Перспективы развития метода контент-анализа // Социология: методология, методы, математические модели. 2002. № 15. С. 71–93.
35. Таршиш Е.Я. Ментальность человека: подходы к концепции и постановка задач исследования. М., 1999.
36. Дерябин А. Телевизионные новости как коммуникативное событие // Дискурс. 1998. № 7. С. 60–63.
37. Кьяри Б. Устные свидетельства Второй мировой войны // Социологический журнал. 1996. № 3/4. С. 247–257.
38. Ярошенко С.С. Синдром бедности // Социологический журнал. 1994. № 2. С. 43–50.
39. Ярская-Смирнова Е.Р. Социальное конструирование инвалидности // Социологические исследования. 1999. № 4. С. 38–46.